

Священникъ Михаилъ Петровичъ Магнитовъ, какъ общественный дѣятель и писатель.

Священ. А. Лунина.

Въ началѣ 1897 года мы получили письмо отъ священника с. Архангельскаго-Голицына, Саранскаго у., Пензенской губ., Михаила Петровича Магнитова, въ которомъ онъ просилъ насъ выслать ему экземпляръ „Сельской лиры“. Мы немедленно исполнили его желаніе. Вслѣдъ затѣмъ мы получили отъ него другое письмо, въ которомъ онъ сочувственно относится къ „Сельской лирѣ“ и благодарить насъ за присылку ея. Къ письму этому онъ прилагаетъ два свои стихотворенія, изъ которыхъ одно—переложеніе 1-го псалма Псалтиря, а другое 1-й ярмосъ Великаго канона. Съ этого времени началась наша съ нимъ переписка. Желая ближе познакомить насъ со своими стихотвореніями, онъ присылаетъ намъ одну за другою свои рукописи, переплетенныя въ книги, и проситъ насъ сдѣлать объ нихъ свой отзывъ. Книги эти онъ посвящаетъ автору „Сельской лиры“ въ знакъ глубокаго почитанія“.

На оборотѣ первой странички 2-й книги онъ пишетъ автору „Сельской лиры“.

Тебѣ, собратъ мой и поэтъ,
 Я шлю свои стихотворенья
 И съ ними искренній привѣтъ;
 Твои стихи мнѣ наслажденье!
 Въ священныхъ пѣсняхъ царь-пророкъ
 Душою къ Богу устремлялся,
 Зло обличалъ онъ и порокъ,
 Молитвой къ Богу укрѣплялся.
 Не измѣнился нашъ Творецъ,
 И нынѣ вѣрныхъ Онъ спасаетъ,
 Всещедрый, благостный Отецъ
 Дождемъ на всѣхъ и всѣмъ сіяетъ.

Въ сіянье Бога своего
 И мы стремимся пусть душою,
 Владыку, Господа всего,
 Да вознесемъ всегда хвалою!
 И, силой Возшею сильны,
 Тогда въ грѣховномъ мірѣ этомъ
 Не будемъ мы побѣждены
 Лукавымъ и его клеветомъ.

Въ первой книгѣ о. Магнитова помѣщены переложения въ стихи 151 псалма, два отрывка изъ книги Іова и переложение книги „Пѣснь пѣсней“. Вторая книга раздѣлена на двѣ части. Въ первой части этой книги помѣщены различныя церковныя пѣснопѣнія, какъ-то: „Свѣте тихій“, „Херувимская пѣснь“, „Нынѣ силы небесныя“, „Да молчитъ всякая плоть“, „Отче нашъ“, переложения пѣснопѣній „въ честь Богородицы“, „въ честь святыхъ“, „за усопшихъ“, „изъ чина погребенія священниковъ“, „изъ чина погребенія младенцевъ“, переложения пѣснопѣній „изъ постной тріоди“, „изъ Великаго канона“, „изъ службъ страстной седмицы“, „изъ пасхальныхъ пѣсней“, переложения Евангельскихъ притчей „Благовѣстіе блаженства“ и различныя стихи изъ Новаго Завѣта. Во второй части помѣщены „Духовныя стихотворенія“ и нѣсколько свѣтскихъ стихотвореній.

Въ третьей книгѣ помѣщены одни свѣтскія стихотворенія, написанныя большею частью въ молодости и неимѣющія такого значенія, какъ его духовныя стихотворенія.

Переписка наша съ о. Магнитовымъ продолжалась. Изъ нея мы усматривали, что о. Магнитовъ пастырь добрый и энергичный, полезный общественный дѣятель, особенно по постройкѣ и руководительству начальныхъ народныхъ школъ; а изъ стихотвореній его видѣли, что онъ не малой руки писатель. Его переложения псалмовъ, книги „Пѣснь пѣсней“, духовныхъ пѣсней и молитвъ очень близки къ подлиннику;

отличаются звучною риемой и правильнымъ размѣромъ. Въ стихотвореніяхъ его видна добрая, отзывчивая душа, готовая при всякомъ удобномъ случаѣ оказать помощь и услугу бѣднымъ, угнетеннымъ людямъ. Но пастырская и общественная дѣятельность его стѣснялась разными неблагопріятными обстоятельствами (напр. недостаткомъ средствъ) и недобрыми людьми, поэтической талантъ его погибалъ въ невѣдомой глуши, подъ давленіемъ темной грубой среды, въ отсутствіи братскаго теплаго участія со стороны собственныхъ своихъ собратій. Въ послѣдніе дни своей жизни о. Магнитовъ омрачался духомъ и помышлялъ о близкой кончинѣ. Мысль о скорой своей смерти онъ высказалъ въ стихотвореніи отъ 22 іюня 1897 г. Въ этомъ стихотвореніи онъ пишетъ:

Я состарился до старости,

Не до пѣсенъ: плохо дышется.

И желалъ бы сдѣлать многое,

Да призывъ могильный слышится.

Къ свѣту знанья, къ мѣсту почестей,

Шель я торною дорогою,

Да свернулъ маленько въ сторону

И пришелъ въ страну убогую.

И теперь вотъ, по безвременью,

На покой, въ сыру могилушку,

Должно мнѣ идти, не каяться,

Что не такъ я тратилъ силушку.

По поводу перемѣщенія своего изъ с. Архангельскаго-Голицына въ Знаменскую женскую общину о. Магнитовъ намъ писалъ: „Новаго ничего не пишу. Я перемѣстился въ Знаменскую женскую общину. Въ Архангельскомъ-Голицынѣ я былъ старшимъ священникомъ. Служить было трудно при моемъ плохомъ здоровьѣ, и на рукахъ у меня была второклассная и земская школа. Голицыно большой, двухштатный приходъ. Большая часть жителей—промысловые

ниціе, такъ называемые «калилы», или «калуны». Народъ этотъ, шлюющійся по всей Россіи и за предѣлами ея, приноситъ всякія заразныя болѣзни. Дифтеритъ и другія болѣзни не переводятся въ Голицынѣ. Постоянно намъ приходится дрожать за своего единственнаго сына. Постройка мною второклассной школы вызвала большое неудовольствіе среди мѣстныхъ землевладѣльцевъ, кулаковъ-приказчиковъ. Правда, они еще не успѣли ни въ чемъ повредить мнѣ, но надо было ждать впередъ непріятностей. Желая повредить мнѣ, эти пріятели всячески старались вредить моей школѣ.

Представился мнѣ случай: освободилось мѣсто священника въ Знаменской женской общинѣ. Эта община въ с. Яковлевщинѣ, гдѣ священствуетъ мой тесть. Поразмыслилъ я и перемѣстился въ Знаменскую женскую общину. Семейство мое, благодаря Бога, обезпечено въ будущемъ, а 600 рублей, которыя я теперь получаю, намъ достанетъ на проживаніе. Квартира, отопленіе и часть провизіи отъ общины.

Но здоровьишко мое слабое, и глушь въ теперешнемъ моемъ мѣстѣ, дѣйствительно, непроглядная. 14 окт. 1898 г.^а.

Переписка наша съ о. Магнитовымъ заключилась обоюднымъ обмѣномъ фотографическихъ карточекъ.

Недолго пожилъ о. Магнитовъ въ Знаменской женской общинѣ, куда онъ стремился для душевнаго покоя и отдохновенія, но нашелъ тамъ другое вѣчное успокоеніе.

Отъ 19 марта 1899 года мы получили отъ супруги его, Серафимы Ивановны, письмо, въ которомъ она извѣстила насъ, что мужъ ея 9 марта сего года волею Божіею скончался.

Съ великимъ сожалѣніемъ и прискорбіемъ отнесли мы къ кончинѣ безвременно угасшаго нашего друга — поэта, и, желая воскресить что либо изъ его жизни въ памяти его почитателей, просили Серафиму Ивановну прислать намъ матеріалъ для составленія его біографіи. Серафима Ивановна

дала намъ обѣщаніе, но лишь чрезъ два года могла исполнить его, по случаю овладѣвшей ею скорби объ утратѣ мужа. По этому матеріалу мы составили очеркъ жизни уважаемаго Михаила Петровича, который и предлагаемъ нашимъ читателямъ.

Михаилъ Петровичъ Магнитовъ родился 1-го ноября 1860 года, въ с. Новомъ Синдровѣ, Краснослободскаго у. Пензенской губ. Отецъ его, священникъ этого села Петръ Васильевичъ Магнитовъ, былъ человекъ серьезно-образованный, пользовался славою выдающагося катихизатора. Чтобы лучше и плодотворнѣе бороться съ невѣжествомъ прихожанъ, онъ открылъ въ своемъ селѣ школу и самъ въ ней занимался. Дѣло обученія ему было по душѣ, и онъ съ любовью къ нему относился. Въ этой школѣ обучался грамотѣ и маленькій сынъ его Миша. Это былъ ребенокъ красивый; движенія его мягкія и вѣжныя; его манера держать себя сдержанно и прилично даже въ играхъ выдѣляла его изъ группы его сверстниковъ, и отношенія ихъ къ нему были уважительныя. Въ отсутствіе отца, по случаю требоисправлений, онъ принималъ на себя роль учителя и руководителя школою. Ученики, любя и уважая своего крохотнаго учителя, въ награду за его труды, изготовляли и дарили ему, выражая свою признательность: точеныхъ коней, тельжки, дудки, птичекъ съ красными маковками и т. п. вещи. Отдохнувши отъ занятій, ребенокъ-учитель сосредоточенно игралъ сюрпризами благодарныхъ учениковъ. Во время обзрѣнія своей епархіи на этого мальчика обратилъ особенное вниманіе мѣстный архіерей Варлаамъ. Бывши въ школѣ с. Синдрова, онъ замѣтилъ его и разговорился съ нимъ. Изъ отвѣтовъ мальчика онъ провидѣлъ въ немъ будущаго способнаго, энергичнаго дѣятеля, съ доброй, прекрасной душой. Посѣтивъ домъ отца его, онъ оставилъ Мишѣ на память икону и крестикъ, которые потомъ въ пожарѣ сгорѣли.

Мирно протекало дѣтство Михаила въ любимой семьѣ. Онъ былъ желаннымъ ребенкомъ, послѣ шести дѣвочекъ — сестеръ его, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ баловнемъ семьи. Престарѣлая бабушка, немолодая тетка, сестра отца, и четыре сестренки наперерывъ выражали ему свою любовь и заботу, но умная, любящая мать его, Екатерина Алексѣевна, была строгою воспитательницей. „Вы совсѣмъ на балуете своего сына, вѣрно, не очень любите его“, говорили матери. — «Нѣтъ» отвѣчала та, «я слишкомъ люблю его, но опасаюсь, какъ бы не загубить ненаглядное дитяtko». Ребенокъ чувствовалъ эту общую къ нему любовь, и въ немъ самомъ развивалось любящее, идеально доброе сердце. Девяти лѣтъ, хорошо подготовленный отцомъ, мальчикъ былъ отвезенъ въ Краснослободское духовное училище. Чтобы быть около сына, отецъ Магнитовъ перемѣстился въ с. Шиверки, въ 10 верстахъ отъ Краснослободска, и любящіе родители часто навѣщали сына, который радовалъ ихъ прекраснымъ поведеніемъ и успѣхами. Но не судилъ Богъ продолжиться такому семейному благополучію, и десятилѣтній Михаилъ внезапно лишается своего отца, опоры и кормильца большой семьи. Умеръ онъ скоропостижно, успѣвши только исповѣдаться и причаститься св. Таинъ, по мнѣнію врачей, отъ разрыва сердца. Теперь наступило тяжелое время для осиротѣвшей семьи. Не думая такъ скоро умереть, о. Магнитовъ построилъ себѣ домъ, употребивъ на него всѣ свои средства. По смерти его оставшейся вдовѣ пришлось продать этотъ домъ за безцѣнокъ, такъ какъ мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, должно было поступить новому священнику. Вмѣсто прежняго дома вдова Магнитова построила себѣ маленькую келью. Теперь ей нужно было работать самой и дочерямъ ея, чтобы существовать, такъ какъ у нея не осталось никакихъ средствъ къ существованію, — и печально потянулась убогая, бѣдная жизнь осиротѣвшей семьи! Потомъ вдовствующая матушка была назва-

чена просвирнею къ церкви Сіалѣвскаго Майдана, Инсарскаго уѣзда, верстахъ въ 70 отъ Краснослободска. Грустно было ей удалиться изъ своего села, потому что теперь она не могла такъ часто, какъ прежде, видѣться съ любимымъ дѣтищемъ своимъ, Мишей. Ребенокъ скучаль по матери и всею душой стремился къ ней на вакацію. И вотъ, однажды, онъ поѣхаль къ ней на Пасху, на случайно встрѣтившейся подводѣ. Нужно было переправляться чрезъ р. Мокшу, которая въ половодье широко разлилась. При переправѣ чрезъ эту рѣку Миша едва не утонулъ въ ней и весь мокрый пришелъ домой. Вскорѣ онъ захвораль горячкою и пролежалъ въ постели долго, по невозможности подать ему медицинскую помощь, такъ какъ врачъ находился далеко, и только благодаря уходу матери и молодому организму, онъ сталъ по немногу поправляться. Но болѣзнь эта пагубно повліяла на здоровье Магнитова, перейдя въ хроническое воспаленіе легкихъ. Оправившись отъ болѣзни, Миша возвратился въ училище (гдѣ по смерти отца содержался на казенный счетъ) и, благодаря своимъ способностямъ и ревности къ занятіямъ, догналъ въ наукахъ своихъ товарищей. 13 лѣтъ онъ окончилъ курсъ въ духовномъ училищѣ и долженъ былъ перейти въ семинарію, но тамъ Магнитова не приняли по малолѣтству, и онъ возвратился опять въ Краснослободское училище, гдѣ и пробылъ лишній годъ. Черезъ годъ его перевели въ Пензенскую духовную семинарію, гдѣ онъ прекрасно учился и окончилъ курсъ 3 ученикомъ. Въ это время мать его перемѣстилась просвирнею въ с. Липовку. Будучи въ семинаріи Магнитовъ репетироваль дѣтей мѣстнаго священника, за 1 рубль въ мѣсяць. По окончаніи курса Магнитовъ былъ назначенъ семинарскимъ начальствомъ въ Казанскую духовную Академію, на казенный счетъ. Но здѣсь, къ сожалѣнію, пробылъ всего одинъ годъ. Причиною выхода его изъ Академіи было извѣстіе о большомъ пожарѣ въ Липовкѣ, въ которомъ сто-

рѣла келья его матери со всѣмъ имуществомъ. Объ этомъ пожарѣ писала Магнитову одна изъ сестеръ его и описала ему всю свою нищету, указавъ на всѣ нужды, понесенныя матерью, и тайно отъ нея умоляла брата, ради матери своей, изнемогшей подъ бременемъ нужды и горя и много пострадавшей, оставить Академію, поступить на мѣсто священника и дать матери отдохнуть и успокоиться. Въ капикулярное время онъ вполне убѣдился въ убогомъ, жалкомъ существованіи семьи; его нѣжное сердце разрывалось, при видѣ страданія заболѣвшей матери; и онъ съ великою грустью и сожалѣніемъ попросилъ начальство уволить его изъ Академіи. До полученія документовъ изъ Академіи Магнитовъ временно исправлялъ должность помощника класныхъ занятій въ Пензенскомъ реальномъ училищѣ. За тѣмъ въ 1882 г. получилъ мѣсто псаломщика Соборной церкви въ г. Троицкѣ, а 16 октября 1883 г. Епископомъ Антоніемъ рукоположенъ былъ во священника къ Введенской церкви въ с. Самбухово, Саранскаго уѣзда. Здѣсь по представленію инспектора народныхъ училищъ, утверждень былъ законоучителемъ земской школы с. Вѣлаго Ключа. Съ особенною любовью относился онъ къ своимъ занятіямъ въ школь, и по личному усмотрѣнію Архіерея, черезъ три мѣсяца, переведень былъ въ большое базарное село Кочелаево на 2-е священническое мѣсто, съ назначеніемъ законоучителемъ земской школы, имѣвшей большое количество учениковъ. Здѣсь о. Магнитовъ открылъ женскую школу, въ которой также состоялъ законоучителемъ. Народъ кочелаевскій, по своему вольному характеру, невѣжеству и грубости, худо относился къ своимъ пастырямъ, а потому о. Магнитовъ обратился къ старшему священнику съ предложеніемъ общими силами улучшить отношенія своихъ прихожанъ къ пастырямъ. Но старшій священникъ, будучи уже очень старъ, грустно ему отвѣтилъ: „нѣтъ, сынъ мой“ (онъ часто такъ привѣтствовалъ М.) тутъ нужны большія силы и

терпѣніе, а я ужъ старъ, какъ знаешь, дѣлай одинъ, а я за послѣднее время очень измучился“. Такимъ образомъ Магнитову одному пришлось нравственно облагораживать прихожанъ. Было тутъ много труда, непріятныхъ столкновеній и душевной скорби. Но онъ не падалъ духомъ, ревностно, мудрымъ и живымъ словомъ вооружаясь противъ различныхъ недостатковъ и пороковъ общества. За каждую службой (отправляемой всегда чинно и безъ торопливости) онъ говорилъ поученія, въ которыхъ указывалъ на тотъ, или другой порокъ, въ мягкихъ выраженіяхъ выясняя весь вредъ его. Проповѣди его были непродолжительны. Онѣ были хорошо прочувствованы, умно направлены, просты и наглядательны. Прихожане внимательно слушали эти поученія, проникались духомъ ихъ и старались исправляться.

Въ такомъ направленіи текла жизнь о. Магнитова. Перемѣнялись священники, его товарищи по приходу. Старшій священникъ, старикъ, скончался. На мѣсто его поступилъ другой, но пожилъ здѣсь недолго и тоже скончался; затѣмъ назначенъ третій священникъ. И со всѣми о. Магнитовъ жилъ дружно, побѣждая всѣхъ своимъ смиреніемъ и кротостью и умаляя свои достоинства. Жизнь его текла тихо. Но вотъ наступаютъ голодные годы, и омрачилось сердце добраго пастыря. Въ наступившемъ 1891 году голодъ въ селѣ былъ ужаснѣе предшествующаго года: тогда не родилось ржи, теперь же былъ полный неурожай яроваго и ржанаго хлѣба. Положеніе народа было самое печальное, и только одною ссудой онъ могъ поддерживать свою жизнь. О. Магнитовъ ревностно устремился на помощь къ народу, но, къ сожалѣнію, въ августѣ этого года, въ холодное время, при ремонтировавкѣ своего дома, простудился и заболѣлъ горячкой. Болѣзнь эта усилилась въ немъ послѣ того, какъ онъ, будучи больнымъ, отправился съ требой, и лошадь на дорогѣ разбила его. Не любя лечиться, онъ долго находился въ этой болѣзни, и когда она миновала, то въ немъ по-

явились слѣды водянки, на которую ни онъ, ни врачи не обратили должнаго вниманія. Почувствовавъ облегченіе въ своей болѣзни о. Магнитовъ приказалъ заложить лошадь и, поддерживаемый подъ руки, выѣхалъ въ приходъ. Какъ ни умоляла жена его отложить поѣздку, пока совсѣмъ выздоровѣетъ, но онъ рѣшительно сказалъ, что, имѣя достаточно силы, онъ не можетъ остаться безучастнымъ въ такое бѣдственное время и приказалъ вести себя къ зажиточнымъ жителямъ села; женѣ же ласково сказалъ: „пойми, что я измучаюсь душой за страждущихъ и ѣду призывать людей на посильную помощь“. Вотъ мужичекъ, убѣжденный словами о. Магнитова, жертвуетъ 40 мѣръ гороху; вотъ другой даетъ нѣсколько мѣръ ржи, кто даетъ пшена, картофеля, и стали давать охотно, кто что можетъ. Батюшка благодарилъ благотворителей и указывалъ, кому немедленно должно было подать помощь. Осталось свободныхъ нѣсколько мѣръ хлѣба, и это дало поводъ открыть народную столовую, въ устройствѣ которой дѣятельное участіе приняли мѣстный становой приставъ съ женою и инженеръ ново-строющейся желѣзной дороги. Но главнымъ учредителемъ ея былъ Магнитовъ. Давали всѣ, кто сколько могъ, даже и малыя ленты неслись на общую столовую. Въ столовой велся образцовый порядокъ, употреблялась свѣжая, здоровая пища. Распоряжалась въ ней супруга пристава, сама раздѣляла пищу, а священники каждый праздникъ служили молебны. Пользовались пищею въ столовой до 500 человекъ.

Нерадостенъ былъ и слѣдующій 1892-й годъ. Урожай былъ почти также плохъ, а къ осени появилась страшная гостя—холера. Проникла она въ Кочелаево слѣдующимъ путемъ. Провозили этимъ селомъ больного холерою (какъ оказалось впоследствии). Подвода съ больнымъ остановилась предъ трактиромъ, на площади, а изъ трактира вышелъ, выпившій „завсегдатай“ его, богатый крестьянинъ, и, разговаривая съ больнымъ, сталъ съ нимъ цѣловаться. Таковъ

у пьянаго былъ обычай. Ночью этотъ крестьянинъ заболѣлъ, а къ утру умеръ. О. Магнитовъ распорядился отпѣть покойника въ кладбищенской церкви, безъ звона, и чтобы поминовенія на дому не было. Обидно это показалось сыновьямъ умершаго. „Мы люди съ достаткомъ“, говорили они, „и схоронимъ отца безчестно!“ Согласились они потихоньку сдѣлать поминки. И что же?—въ слѣдующую же ночь 10 человекъ заболѣло холерою. Трое изъ нихъ вскорѣ умерли, а потомъ и еще трое. Тутъ сознались сыновья богатаго умершаго, что всѣ эти умершіе были у нихъ на тайныхъ поминкахъ. На слѣдующій день число больныхъ увеличилось. Не найдя возможнымъ лично остановить быстро развивавшуюся страшную болѣзнь, Магнитовъ далъ знать объ ней свѣтскому начальству, прося немедленной медицинской помощи. Хоть не скоро, съ пререканіями и недоверіемъ, но помощь была подана, и эпидемія прекратилась.

О. Магнитову давно хотѣлось быть поближе къ своему тестю. И вотъ открылось подходящее мѣсто въ большомъ селѣ Архангельскомъ—Голицынѣ. Архіерей, знавшій Магнитова за неусыпнаго, полезнаго дѣятеля, охотно перевелъ его въ это большое село. Кочелаевскіе прихожане, какъ уже привыкшіе къ Магнитову и любившіе его за ту правду и пользу, которую онъ приносилъ имъ въ приходѣ и въ школахъ, съ сожалѣніемъ разстались съ нимъ. Многіе изъ нихъ плакали, особенно женщины и дѣти.

Но не обрадовался о. Магнитовъ, когда перешелъ въ Архангельское—Голицыно. Кромѣ невѣжества, грубости, обычнаго пьянства, онъ столкнулся здѣсь съ такимъ порокомъ, который въ корень подтачивалъ нравственныя начала его прихожанъ, затѣмняя ихъ совѣсть. Этотъ порокъ состоялъ въ укоренившейся привычкѣ ихъ шататься по бѣлу свѣту и „калить“, т. е. прикидываться убогими, нищими и просить подаваніе именемъ Христа. Они настолько привыкли къ своему ремеслу и сроднились съ нимъ, что не только не

гнушались имъ, но даже гордились. Если кого хвалили, то не указывали на то или другое качество его души, а говорили только, что онъ хорошей „калила“, потому что умѣлъ посредствомъ нищенства достать себѣ достаточно чужихъ денегъ. И лишь небольшая часть жителей — торговцы. Нищенствуя по разнымъ мѣстамъ, эти „калилы“ завозятъ въ свое село разные заразные болѣзни. Отношенія ихъ къ церкви и пастырямъ опечалили бы всякаго добраго христіанина. Храмъ, недавно позолоченный, потемнѣлъ отъ множества параффиновыхъ свѣчъ. Въ церкви никогда не было денегъ, и когда староста узнавалъ о пріѣздѣ благочиннаго съ какимъ либо отчетомъ, то тотчасъ шелъ по людямъ занять денегъ. Идти въ церковь безъ свѣчи считалось стыдомъ: „ужъ на свѣчу не накалил“, скажутъ, „парафиновая дешевле, массивнѣе, виднѣе“. И одинъ изъ зажиточныхъ „калилъ“ привозилъ въ Голицыно по 18—20 пудовъ такихъ свѣчъ, чтобы удовлетворить требованіе жителей. О. Магнитовъ словомъ и проповѣдью сталъ дѣйствовать на совѣсть „калилъ“. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ говорилъ рѣчи о свѣчахъ. Онъ одобрялъ любовь прихожанъ возжигать свѣчи, но указывалъ на непригодность параффиновыхъ свѣчъ въ нашей православной церкви. Но на первыхъ же порахъ онъ встрѣтилъ отпоръ со стороны партіи ревнителей употребленія параффиновыхъ свѣчъ. Нѣкто отъ лица этой партіи сказалъ ему: „хорошо ты, батюшка, говоришь, хоть и безъ книги и тетрадки“ (онъ говорилъ экспромтомъ) „и, чай, много обдумывалъ раньше то, чѣмъ скажешь. Только ты напрасно трудишься самъ, да и насъ задерживаешь въ церкви. Предмѣстникъ твой 20 лѣтъ говорилъ тоже. Напрасенъ былъ его трудъ, да и твой не лучше“. Однако жъ о. Магнитовъ не упалъ духомъ, выслушавъ такія слова прихожанина. Онъ рѣшился вести борьбу со зломъ на сколько хватитъ силъ, несмотря даже на то, что второй священникъ въ этомъ селѣ не сочувствовалъ ему, подобо-

страстно относясь къ зажиточнымъ прихожанамъ, особенно къ такимъ, какъ продавецъ параффиновыхъ свѣчъ. Онъ думалъ найти поддержку въ благочинномъ, но и тотъ уклонился отъ оказанія ему помощи; по случаю слуховъ о назначеніи Магнитова вмѣсто его благочиннымъ. Но слухъ этотъ оказался ложнымъ. Несмотря на это, благочинный остался къ Магнитову предубѣжденъ и враждебенъ. Тогда о. Магнитовъ выписалъ брошюрокъ о свѣчахъ, Троицкихъ листковъ, самъ печаталъ собственныя статейки, и все это раздавалъ, выставялъ на видныхъ мѣстахъ и убѣждалъ внять словамъ истины. Наконецъ, убѣдившись, что слово здѣсь бесполезно, сталъ тушить въ церкви параффиновыя свѣчи, замѣняя ихъ свѣчами изъ чистаго пчелинаго воска. Тогда партія ревнителей параффиновыхъ свѣчъ возстала противъ него сильнѣе. Во главѣ ея сталъ продавецъ этихъ свѣчъ и подалъ на Магнитова прошеніе къ архіерею, обвиняя его въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Назначено было слѣдствіе, по которому, однако-жъ, жалоба просителя не оправдалась. Терпѣливо перенесъ Магнитовъ это нападеніе на него озлобленнаго „калилы“, утѣшаясь тѣмъ, что теперь вмѣсто 8—9 пудовъ церковныхъ восковыхъ свѣчъ стало продаваться 20—25 пудовъ въ годъ. Въ церкви скопилось достаточно денегъ, на которыя онъ, между прочимъ, позаботился устроить церковь тепломъ. Казалось, что при такихъ препятствіяхъ эвергія Магнитова ослабѣетъ, что онъ, измучившись въ трудахъ, махнетъ на все рукою. Нѣтъ, съ препятствіями усиливалась его дѣятельность. Онъ какъ бы боялся, что не успѣетъ сдѣлать всего задуманнаго имъ. По предложенію Преосвященнаго Павла, онъ вслѣдъ открылъ церковно-приходскую школу, найдя для нея помѣщеніе и средства къ содержанію. А далѣе, для ослабленія въ приходѣ своемъ „каленія“, или нищенства, задумалъ отереть и второклассную школу. Для этой цѣли онъ выпросилъ у начальства денегъ, у мѣстнаго общества земли подъ учили-

ще, для сада и огорода. Болѣе всего выпало на долю его хлопотъ, неприятностей и огорченій, по случаю постройки второклассной школы, потому что богатые люди не желали имѣть въ своемъ селѣ этой школы, считая ее чуть не порожденіемъ антихриста, и потому очень препятствовали въ постройкѣ ея. Строилъ эту школу самъ Магнитовъ, при участіи мѣстнаго благочиннаго и нѣкоторыхъ избранныхъ прихожанъ. И какъ же радъ онъ былъ, когда состоялось открытіе ея, когда присланы были учителя и началось ученіе!

Но такая неустанная дѣятельность, такіе неусыпные труды въ дѣлѣ насажденія нравственности въ народъ, въ дѣлѣ его просвѣщенія и образованія совсѣмъ ослабили здоровье Магнитова *). Съ прежнимъ рвеніемъ и усердіемъ онъ не могъ уже проходить обязанности законоучителя въ школахъ, а потому, съ болью сердца и сожалѣніемъ, рѣшился покинуть Архангельское—Голицыно и перемѣститься на родину своей жены, въ с. Яковлевщину Инсарскаго у., къ церкви Знаменской женской общины. „Я хочу перейти на твою родину“, говорилъ онъ своей женѣ, „чтобы тебѣ, когда я умру, легче было перенести эту тяжелую скорбь“. Невыразимо горько было слушать такіа рѣчи любящей жены его, но все же ей казалось невѣроятнымъ, чтобы на видъ здоровый, видный и мужественный другъ ея скоро оставилъ ее. Она отговаривала его отъ высказаннаго намѣренія. „Тебѣ тамъ скучно будетъ“, говорила она, „вѣдь это очень тихій уголокъ“ (какъ и писалъ онъ впоследствии, въ отсутствіе жены своей: „въ глушь забился я непроглядную“ и т. д.), а сама думала: такому дѣятельному человѣку невѣроятно усидѣть въ глуши страшной. Услыхавши о намѣреніи Магнитова перемѣститься, епарх. наблюдатель просилъ его любезными письмами и лично, ради любви къ вто-

*) Кроме этого, о. Магнитовъ исполнялъ обязанности члена мѣстнаго благочинническаго совѣта и депутата духовно-училищнаго округа.

рокласной школь, называя ее взлѣяннымъ дѣтищемъ его, остаться. Но ничто не въ силахъ было поколебать его желанія, или, вѣрнѣе, необходимости, при слабомъ здоровьѣ и на искреннія письма наблюдателя онъ отвѣтилъ въ стихахъ вырвавшимся стономъ наболѣвшей души. 24 февраля 1898 г. состоялось перемѣщеніе Магнитова къ церкви Знаменской женской общины. Здѣсь для священника дома не было, и батюшка рисоваль планы для него, слѣдилъ за кладкою новой церкви, въ службѣ строго выполнялъ требованія устава и особенное вниманіе обратилъ на пѣвческій хоръ, для чего вызванъ былъ учитель пѣнія, чтобы научить пѣвчихъ нотному пѣнію, и изъ среды ихъ была подготовлена умѣлая регентша. Онъ не былъ чуждъ и своей новой паствы, но говорилъ, что тутъ главное его занятіе только въ церкви, да въ школь, гдѣ онъ со всегдашнею любовью занимался съ дѣтьми, но было у него много не занятого времени, когда онъ могъ быть на свободѣ, погружаясь въ тихую семейную жизнь. Какъ любилъ и какъ ласкалъ онъ своего единственнаго, ненагляднаго сына — ребенка „Алю“! *) Теперь онъ отдыхалъ, въ тѣни громаднхъ аллей стариннаго барскаго сада. Какъ хорошо было въ этомъ саду, во время цвѣта яблонь, вишни, черемухи и огромныхъ душистыхъ липъ! Правилось это мѣстечко и соловьямъ, которые налетались сюда во множествѣ. „Что, если бы я ранѣе перешелъ сюда“, говорилъ о. Магнитовъ своей женѣ, „можетъ быть я лишній десятокъ лѣтъ прожилъ бы“. Но не судилъ Богъ видѣть ему здѣсь другую красавицу — весну. Наступившею осенью, при осмотрѣ одвой второкласной школы, въ 12 верстахъ отъ общины, онъ простудился и заболѣлъ инфлуэнціей, которая, осложнившись воспаленіемъ почекъ, приняла острый характеръ. Лѣчившій его докторъ посоветовалъ ему ѣхать въ Казань для совѣта съ профессорами и тамъ полѣчиться. Для поѣздки въ Казань онъ не имѣлъ

*) Алексѣя.

собственныхъ средствъ, и отправился туда на средства своей жены. По прїѣздѣ въ Казань Магнитовъ сталъ чувствовать себя хуже; онъ слабѣеть, о чемъ и пишетъ своей женѣ. Профессоръ—врачъ, для лучшаго соблюденія діеты, предложилъ больному изъ номеровъ переѣхать въ клинику, гдѣ ему предложена была просторная, свѣтлая комната. Здѣсь здоровье больного улучшилось, и черезъ нѣкоторое время онъ хотѣлъ даже ѣхать домой и уже писалъ женѣ своей въ назначенный день прислать за нимъ возокъ на станцію желѣзной дороги. Обрадованная вѣстью объ улучшеніи здоровья своего мужа, жена его собиралась выѣхать за нимъ сама, какъ вдругъ ему сдѣлалось хуже и хуже, и онъ скончался (9 марта 1899 года). Тѣло его было перевезено любящей супругой въ Знаменскую женскую общину и похоронено тамъ у алтаря новопостроенной церкви.

Вотъ что разсказалъ духовникъ о. Магнитова вдовѣ его о его смерти. „Нѣсколько разъ я посѣтилъ больного. Онъ все писалъ (письма писалъ едва ли не каждый день), то читалъ что-то, и былъ мало сообщителенъ, а потомъ, въ день смерти его, я былъ приглашенъ причастить больного, въ три часа по-полудни. Сознательно и чистосердечно исповѣдавшись и причастившись Св. Таинъ, больной просилъ меня сѣсть около него, и онъ много говорилъ о своей жизни. Онъ, между прочимъ, говорилъ, что ему жаль оставить своихъ сиротъ; вѣдь онѣ остаются всѣмъ чужіе, кромѣ стараго дѣдушки, а какая надежда на него? Я узналъ, что васъ онъ очень любилъ, что вы Сима, а какъ полное имя ваше, не знаю. Когда спросилъ я умирающаго о смертномъ страхѣ, онъ поспѣшно отвѣтилъ: „Нѣтъ, я радъ, что умираю прежде Симы“, и очень просилъ не давать вамъ телеграммы, боясь, что вы, испугавшись, не въ состояніи будете прїѣхать для его погребенія, и разсказалъ при этомъ про вашу болѣзнь. „О погребеніи моемъ ничего не скажу—какъ знаетъ, такъ и дѣлаеть, но безъ нея не хороните“.

Потомъ спросилъ карандашъ и бумагу, чтобы написать нѣсколько словъ женѣ свсей. „Нѣтъ, ужъ поздно, положите назадъ“, сказалъ онъ, и возвратилъ просимое. Фука отказалась написать желаемое. Мы передадимъ ей, скажите, что хотите передать ей, спросили окружавшіе его. „Нѣтъ, не надо; она добрая и умная, и знаетъ, и пойметъ“! Потомъ спросилъ ея письмо, и когда подали его, онъ сжалъ его въ лѣвой рукѣ своей, взглянулъ въ окно, и, какъ бы обращаясь къ женѣ своей, скорбно сказалъ: „Сима! Сима! Эхъ, Сима“! потомъ взглянулъ на икону, перекрестился съ возгласомъ: „Господи! Господи“! и отдалъ Богу духъ.

Такъ скоро, къ сожалѣнію, догорѣла жизнь этаго замѣчательнаго труженика — пастыря!

Тяжелѣе всего утрата эта отразилась на супругѣ покойнаго, столь цѣнившей достоинства его и глубоко любившей. Надъ могилой его она поставила скромный памятникъ.

Выше мы сказали, что М. Петр. Магнитовъ обладалъ поэтическимъ дарованіемъ; стихотворенія его написаны правильнымъ размѣромъ (за исключеніемъ немногихъ мѣстъ) и отличаются звучной римой. Они живо изложены, читаются легко и производятъ глубокое впечатлѣніе. Читатель убѣдится въ томъ, что мы сказали, изъ приводимыхъ ниже, на удачу взятыхъ его стихотвореній.

СТИХОТВОРЕНІЯ О. МАГНИТОВА.

Переложеніе 33 псалма.

Всегда благословлю я Бога,

Я непрестанно буду пѣть

Хвалу во славу Всесвятаго

И буду славу я имѣть.

Той пѣсней буду утѣшаться,

Услышать кроткіе ея,—

Они со мной возвеселятся,

Забудемъ горе мы свое.

И такъ, со мною величайте
 Творца всѣхъ кроткіе душой,
 Превозносите, прославляйте:
 Великъ Господь нашъ всесвятый!
 Его, Владыку всей вселенной,
 Я въ теснотѣ своей взыскалъ,
 И Онъ услышалъ вопль смиренный,
 Меня изъ гибели изъялъ.
 Кто съ вѣрой къ Богу обращался,
 Тотъ предъ врагомъ не зналъ стыда,
 Тотъ благодатью просвѣщался, —
 Спасаетъ вѣрныхъ Богъ всегда!
 Воззвалъ сей нищій къ Всесвятому, —
 Господь услышалъ, спасъ его;
 Онъ жилъ по Божію закону,
 И бѣды не стало у него.
 Кто Бога любитъ и боится,
 Вокругъ того не страхъ земной,
 Но Ангелъ Божій ополчится,
 Дастъ избавленіе и покой.
 Богъ насъ питаетъ, — приступите,
 Со страмомъ Божіимъ въ сердцахъ,
 Даровъ Господнихъ вы вкусите,
 Чтобы узнать: какъ Богъ всеблагъ!
 Блаженъ, кто святость соблюдаетъ,
 Кто на Всевышняго Творца
 Свои надежды возлагаетъ,
 Кто Богу вѣренъ до конца!
 Не рѣдко скимень голодуеть,
 Не рѣдко бѣдствуетъ въ лѣсахъ,
 Но кто Всевышняго взыскуеть,
 Тотъ насыщается всѣхъ благъ.
 Ко мнѣ, о дѣти прійдите,
 Прошу, послушайте меня:

Страхъ Божій сердцемъ возлюбите,
Живите. Господа любя.
Ты хочешь жить и видѣть благо
При долгоденствіи? Всего
Ищи себѣ у Всесвятаго, —
Источникъ блага у Него.
Отъ зла удерживать старайся
Языкъ свой, отъ коварныхъ словъ,
На путь неправды не склоняйся,
Бѣги отъ губельныхъ грѣховъ!
Твори добро, ищи ты мира
И слѣдуй искренно за нимъ,
Не сотвори себѣ кумира,
Не будь рабомъ предъ міромъ злымъ.
И помни ты, что Богъ взираетъ
На всѣхъ избранниковъ своихъ,
Онъ волю праведныхъ внимаетъ,
Онъ Покровитель всѣхъ святыхъ.
Но противъ злыхъ Лице Господне,
Чтобъ беззакониковъ людей
Низвергнуть въ бездну преисподней,
Чтобы на вѣкъ погибъ злодѣй!
Къ Владыкѣ вѣрные зываютъ.
Господь ихъ слышитъ, какъ Отецъ;
Отъ всѣхъ скорбей ихъ избавляетъ,
Даетъ Онъ праведнымъ вѣнецъ.
Къ тому, кто сердцемъ сокрушенный,
Владыка близко предстоитъ,
И кто имѣетъ духъ смиренный.
Того всегда Господь хранить.
Господь избрѣнниковъ спасаетъ
Великой милостью Своей;
Того, кто правду соблюдаетъ,
Избавитъ Богъ отъ всѣхъ скорбей;

Кость у того не сокрушится;
Но злаго зло его убьетъ;
Тотъ, кто надъ праведнымъ глумится,
На вѣкъ погибнетъ, пропадетъ.
А праведныхъ Господь избавить,
Отъ зла спасетъ своихъ рабовъ,
Надежду вѣру ихъ прославить,
Любви ихъ даруетъ покровъ.

Благословеніе блаженства.

(Матѣ. 5, 3—12).

Блаженъ, кто духомъ нищъ, убогъ;
Того гордыня не погубить;
Онъ малъ, ему поможетъ Богъ;
Смиренный въ царствѣ Божьемъ будетъ.

Блаженъ, кто о грѣхахъ скорбитъ
И омываетъ ихъ слезами:
Людьми униженъ онъ, забить. —
Утѣшенъ будетъ небесами.

Блаженны кроткіе душой
Передъ людьми и предъ Владыкой:
Богъ кроткихъ надѣлитъ землей,
И будетъ ихъ удѣлъ — великій!

Блаженъ, кто алчетъ предъ Творцомъ
И жаждетъ правды и спасенья:
Того насытитъ Богъ добромъ
И приметъ въ горнія селенья.

Блаженъ, кто милостивъ ко всѣмъ,
Кто ближнимъ въ горѣ помогаетъ:
Господня милость будетъ съ тѣмъ,
И онъ на небѣ возсіяетъ.

Блаженъ, кто вѣрность соблюдаетъ,
Украститъ сердце чистотою:

Тотъ узреть Бога: Онъ придетъ
Къ нему таинственной стезею.

Блаженъ, кто вноситъ Божій миръ
Въ среду другихъ, во всѣхъ печется,
Чтобъ ихъ Господь благословилъ. —
Тотъ сыномъ Божиимъ наречется!

Блаженъ, кто правдой дорожить,
За правду терпитъ и изгнанье:

Тому Господь опредѣлитъ
Въ небесномъ царствѣ достоянье.

Блаженны тѣ рабы Христа,
Которымъ люди поношенье
И путь тяжелаго креста
Дадутъ, воздвигнувши гоненье,

И злой насмѣшкой заклеятъ
За вѣру въ Богочеловѣка:
Христовыхъ слугъ не побѣдятъ
Сыны сего земнаго вѣка.

И такъ страдальцы въ честь Христа,
Ликуйте вы и веселитесь,
Побѣдной силою креста
Вы на враговъ вооружитесь.

Вамъ помощь Божія близка,
Господь откроетъ вамъ спасенье,
На небесахъ вамъ за терпѣнье
Награда ваша — велика!

*
* *

Когда приду я въ храмъ священный
И тамъ колѣнопреклоненный
Тебя я стану умолять, —
Пошли мнѣ, Боже, благодать!
Ты даруй мнѣ грѣховъ прощенье;
Принявъ въ число Твоихъ рабовъ,

Меня сподоби приобщеня
Твоихъ таинственныхъ даровъ!

Я рабъ Твой, малый и презрѣнный,
Но даруй духъ мнѣ сокрушенный,
Да плачу горько о грѣхахъ
И пусть омоюся въ слезахъ.

*
* *

Море житейское страшно вздымается...
Гдѣ наша пристань отъ бури страстей?
Врагъ—всегубитель на насъ устремляется...
Гдѣ намъ спасеніе отъ бѣдъ и скорбей?

Только Господь, Вседержитель вселенныя,
Можетъ волненію властно сказать:
„Стихни“! и стихнуть всѣ воды смятенныя;
Силень Господь и враговъ побѣждать.

Господи Боже! Твое мы твореніе.
Въ тихую пристань Ты насъ приведи,
Бурныхъ страстей укроти въ насъ волненіе
И отъ враговъ насъ крестомъ огради!

Ангель хранитель.

Есть Ангель—хранитель.
Онъ есть небожитель,
Дающій намъ радость, покой;
Онъ тѣхъ охраняетъ,
Кто вѣры святой
Себя не лишаетъ
Средь жизни земной;
Онъ видимъ бываетъ
Для чистыхъ душой.

Ц в ѣ т ы.

Цвѣты—остатокъ намъ отъ рая,
Ихъ благовонье къ небесамъ
Идетъ, какъ даръ земнаго рая,
Они отрада въ мірѣ намъ.

Они премудрость возвѣщаютъ
И о Творцѣ намъ говорятъ;
Они безъ слова поучаютъ:
Въ чемъ нашъ возвышенный нарядъ.

О, пусть душа благоухаетъ
Передъ Творцемъ, какъ и цвѣты;
Пусть Самъ Господь насъ украшаетъ
Съ своей небесной высоты!

Люблю цвѣты! Они ласкаютъ
Красою, нѣжностью своей
И ароматы разливаютъ,
Какъ даръ небесный для людей:

Весны подарокъ драгоценный,
Намъ сердце радуютъ они;
Пусть все непрочно во вселенной,
Но есть весенніе намъ дни!

Прейдетъ сей міръ, но міръ цвѣтущій
Для вѣрныхъ есть на вѣкъ вѣковъ.

—Живите-жь такъ, чтобъ въ вѣкъ грядущій
Цвѣсти всей прелестью цвѣтовъ!

Восковая свѣча.

Угодна ты Богу, свѣча восковая:
Предъ образомъ Божьимъ ты въ храмѣ горишь,
Въ тебѣ отражается жизнь трудовая ¹⁾,
Ты звѣздочкой ясной для вѣрныхъ блестишь.

¹⁾ Притч. 6, 8.

Ты символъ усердной души непорочной,
Предъ Богомъ горящей во тьмѣ полунощной ²⁾,
Ты избранный свѣточъ для всѣхъ христіанъ,
Цѣна твоя — жертва святая на храмъ.

Въ саду Геосиманскомъ Иуда-предатель
Съ толпою злодѣевъ иной имѣлъ свѣтъ ³⁾:
Его засвѣтилъ древній змій — зложелатель ⁴⁾,
И въ свѣтѣ Иудиномъ радости нѣтъ.

Твое же мерцанье, свѣча восковая,
Намъ радуеть сердце, миръ Божій даетъ;
Всевышній, усердію вѣрныхъ внимая,
На нихъ чрезъ тебя свѣтъ божественный льетъ.

Акростихъ: „Вѣра“.

Всѣмъ намъ, о грѣшные люди, Христось возвѣщаетъ:
„Ѣшьте хлѣбъ этотъ, се тѣло мое“!
Разумомъ тайну великую кто постигаетъ?
Ангельскій умъ не постигнетъ ее.

Акростихъ: „Надежда“.

Новый отъ Бога завѣтъ открываетъ
Агнецъ безгрѣшный Спаситель-Христось,
Древняго змія ⁵⁾ крестомъ побѣждаетъ,
Ева избавлена нынѣ отъ слезъ.
Жизнь и блаженство для всѣхъ наступаетъ:
Духъ безначальный людей обновляетъ;
Агнецъ безгрѣшный спасенье принесть.

²⁾ Матѣ. 25, 6—7.

³⁾ Иоан. 18, 3.

⁴⁾ Апок. 20, 2.

⁵⁾ Апок. 12, 9. 20, 2.

Акrostихъ: „Спасъ“.

Смерть воцарилася въ людяхъ чрезъ грѣхъ,
Падшіе люди лишились рая...
„Ангель Завѣта“ ⁶⁾ возставилъ насъ всѣхъ
Силой божественной насъ обновляя.

Ирмосъ 9-й пѣсни Великаго канона.

Безсѣменнаго зачатія...

Намъ тайна Божія къ спасенію открылась,
Настало людямъ торжество?
Безсѣменно зачатіе отъ Дѣвы совершилось
И неслезанное отъ Чистой рождество.
Явилъ себя всесовершенный
Богъ истинный, Господь Отецъ щедротъ:
Онъ къ людямъ въ міръ послалъ нетлѣнный
Безмужной матери чудесный Плодь,
Который рай намъ возвращаетъ;
Въ Немъ неизмѣнно Божество,
Его рожденье обновляетъ
На вѣки наше естество.
Вотъ почему мы восхваленья
О, Богоматерь, воздаемъ
Тебѣ, достойной прославленья,
Въ небесномъ мірѣ и земномъ.

Изъ пасхальныхъ пѣсень.

1.

И на землѣ, какъ средь небесъ,
Теперь одно лишь раздается:
„Христось воскресъ! Христось воскресъ.
И мертвымъ жизнь теперь дается“.

⁶⁾ Малах. 3, 1—3.

Не прахъ ислѣвшій востаетъ
Изъ темной сумрачной могилы:
Духъ человѣка вновь растетъ,
Христось даетъ ему всѣ силы,
Чтобъ отъ погибели спастись,
Не быть добычей злобы ада,
Чтобы на небо вознестись,
Гдѣ правда святость и отрада.

2.

Если сердце болитъ, надрываясь тоской,
Если умъ безпокойно томится,
Вспомни ты, что Воскресшій—Спаситель и твой,
И сѣши ты Ему помолиться.

Онъ тебя оживить

И на вѣкъ сохранить

Отъ печали, страстей

И отъ злобныхъ людей.

„Христось воскресъ!“ привѣтствіе святое
Прими себѣ въ залогъ покоя!

3.

Христось воскресъ, и жизнь ликуетъ!
Христось воскресъ, и радуется міръ,
Надъ зломъ побѣду торжествуетъ,
Грядите всѣ на царскій Божій пирь. ⁷⁾

⁷⁾ Мате. 22, 2.

Какъ свѣтель праздниекъ Воскресенья,
Любви и жизни день святой,
Отрады вѣры, утѣшенье!
Воскресъ Христось, Спаситель мой!

Къ Богоматери.

Ты, о Богоматерь, знаменье спасенья,
Ты и Воевода вѣрныхъ христіанъ,

Наша Ты защита, наше украшенье,
 Ты одушевленный дивный Божій храмъ!
 Честь Тебѣ и слава, Дѣва пресвятая!
 Ты свѣтлѣе солнца, Высшая небесъ;
 Божьей благодати токи источая,
 Ты являешь людямъ множество чудесъ.
 Радость всѣхъ скорбящихъ, міра просвѣщенъе,
 Не отрини нынѣ насъ, Твоихъ рабовъ,
 Преблагая Матерь, прими моленъе
 И прости надъ нами горній Твой покровъ!

* *
 *

Весело плещетъ лазурное море,
 Вольною птицей летитъ мой челнокъ;
 Любо гулять мнѣ на свѣтломъ просторѣ;
 Мчися мой челнъ на родной мнѣ Востокъ!
 Вѣтеръ крѣпчаетъ, и море сердито
 Пѣнится, хмурится черной волной,
 Хлещетъ, бушуетъ... Челнокъ мой разбитый
 Тонетъ, мой вѣрный товарищъ, со мной.
 Съ радостью бездна мой челнъ поглотила,
 Но почему-то меня не сгубила,
 Бросивъ на берегъ пустынный, сырой.
 Что мнѣ осталось? Когда одинокій,
 Всѣми забытый въ чужбинѣ далекой,
 Нынѣ ограбленъ я бездной морской.

Автору „Сельской Лиры“.

Голосъ вашей лиры
 Въ сердцѣ отдается,
 Пѣсня золотая
 Съ лиры вашей льется.
 Въ прозѣ жизни нашей
 Тьма, не видно свѣта,

Но душа оцнется
Съ пѣснію поэта.
Пойте же намъ пѣсни
Искренней душою,
Сѣйте ваше слово
Щедрою рукою.
Не погибнетъ сѣмя:
Хоть одно найдется—
На землѣ хорошей
Пышно разрастется!
Пусть живемъ надеждой
Міра неземного,
Вѣрой и любовью
Оживемъ мы снова,
И въ грядущемъ мірѣ
Счастія достигнемъ,
Милосердьемъ Божьимъ
Въ прахѣ не погибнемъ.
